

На правах рукописи

АПРЕСЯН Валентина Юрьевна

**МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛОЖНЫХ
ЗНАЧЕНИЙ В ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва 2015

Работа выполнена в Секторе теоретической семантики ФГБУН «Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН»

Официальные оппоненты

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
заведующий Лабораторией
компьютерной лингвистики Института
проблем передачи информации
им. А. А. Харкевича РАН
И. М. Богуславский

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Сектора типологии
Института языкознания РАН
Анна А. Зализняк

доктор филологических наук,
профессор,
руководитель Учебно-научного центра
лингвистической типологии
Института лингвистики РГГУ
В. И. Подлеская

Ведущая организация

Институт лингвистических
исследований РАН, Санкт-Петербург

Защита состоится “_____” _____ 2015 г. в “_____” часов на заседании
диссертационного совета Д 002.008.01 при ФГБУН «Институт русского
языка им. В.В. Виноградова РАН» по адресу: Москва, Волхонка, 18/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русского
языка им. В. В. Виноградова РАН.

Автореферат разослан “_____” _____ 2015 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук _____ **Б. Л. Иомдин**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию образования и взаимодействия разных типов сложных значений в языке – значений семантических классов, многозначных вокабул, отдельных конструкций и лексем, а также семантических компонентов внутри значения одной лексемы. Кроме того, в исследовании рассматривается вопрос о семантической мотивированности лингвистических свойств языковых единиц и проблемы языковой прагматики, связанные с функционированием лексических и грамматических единиц в реальном узусе.

Степень разработанности темы данного исследования можно охарактеризовать следующим образом. В рамках модели «Смысл-Текст» И. М. Мельчука и А. К. Жолковского, Московской семантической школы (МСШ) Ю. Д. Апресяна и теории естественного семантического метаязыка (ЕСМ) А. Вежбицкой были созданы методы семантического описания массового и разнородного языкового материала способом аналитических толкований, применимые как к лексической, так и к грамматической семантике.

В теории ЕСМ семантика любых языковых единиц описывается посредством разложения сложных значений на ограниченное число универсальных элементарных смыслов – так называемых примитивов. Однако семантический анализ в рамках ЕСМ, при всех достоинствах, имеет и ограничения, поскольку значения слов могут «складываться» в сознании говорящих из более крупных семантических блоков, «системообразующих смыслов» (Ю. Д. Апресян), не являющихся примитивами. Кроме того, с лексикографической точки зрения толкования, использующие не только примитивы, но и более сложные смыслы, легче воспринимаются и не требуют длинных комментариев.

Примером теоретического семантического подхода, который имеет практическое лексикографическое воплощение, являются работы МСШ, которая во многом продолжает традиции теории «Смысл-Текст». Идея интегрального описания языка и системной лексикографии Ю. Д. Апресяна¹, предполагающая согласование грамматики и словаря, а также ориентацию на описание языковой картины мира, воплощена в двух больших коллективных трудах: Новом объяснительном словаре синонимов (НОСС) и Активном словаре русского языка (АС). Однако НОСС и АС описывают лексические, а не грамматические единицы, в то время как системообразующие смыслы и семантика пронизывают все уровни языка, что особенно актуально для больших лексико-грамматических классов, в которых смысл передается не только лексическими, но и грамматическими

¹ Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

средствами – конструкциями. Кроме того, НОСС и АС не содержат полных описаний целых семантических классов.

Тема языковой прагматики разработана и в теории ЕСМ, и в отечественной семантике (работы Ю. Д. Апресяна, А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского, Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелева и других исследователей). Однако многие исследования по языковой картине мира создавались еще в докорпусную эпоху и поэтому не базируются на анализе массового языкового узуса. Между тем полное представление о прагматике языковых единиц может быть получено при обращении к их реальному узусу, т.е. при корпусном анализе частотности их сочетаемости с другими языковыми единицами.

Таким образом, **актуальность** настоящего диссертационного исследования обусловлена:

1) Отсутствием работ, в которых с помощью толкований, состоящих из примитивов и других системообразующих смыслов, описываются целые семантические классы, представленные как лексическими, так и грамматическими средствами.

2) Важностью ориентации на реальный языковой узус и корпусный анализ при описании языковой прагматики.

Методологической основой исследования является концепция интегрального описания языка и системной лексикографии МСШ в сочетании с корпусным подходом.

Новизна предлагаемого подхода состоит в соединении принципов МСШ (интегральное описание языка, теория сфер действия² и взаимодействия значений³, принцип семантической мотивированности, понятие «системообразующего смысла», аналитические толкования на естественном семантическом метаязыке, лексикографирование массового материала) с преимуществами других направлений отечественной и зарубежной семантики (корпусный подход к описанию семантики лексических и грамматических единиц⁴, межъязыковое сравнение⁵, семантические переходы и семантическая мотивация полисемии⁶, грамматика конструкций⁷).

Кроме того, в исследовании разрабатываются новые методы семантического и прагматического межъязыкового сравнения – метод кластерного анализа и

² И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

³ Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 68–87.

⁴ Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. Отв. ред. В. А. Плунгян. СПб, 2009.

⁵ Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М., 2007.

⁶ Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

⁷ Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М., 2010.

сопоставительный анализ лексем со значением эмоций, а также метод сравнения языковой прагматики путем исследования частотности лексической и синтаксической сочетаемости.

Выдвигается **гипотеза** о том, что в основе структуры абстрактных предикатных семантических классов лежит *прототип*, представленный в значении центральной для класса языковой единицы, и его *модификации* по направлениям, задаваемым системообразующими смыслами, такими как количество, степень, желательность, путативность, акциональность, контроль, оценка, время, пространство и др. **Вторая гипотеза** состоит в том, что наличие в значении языковой единицы того или иного системообразующего смысла может мотивировать прочие лингвистические свойства лексемы (ассертивно-пресуппозитивную структуру, полисемию, синтаксические и сочетаемостные особенности). **Третья гипотеза** данного исследования состоит в том, что частотные характеристики сочетаемости языковых единиц обусловлены не только их семантическими свойствами, но и общеязыковой прагматикой, которая может варьироваться в разных языках даже при условии близости семантических свойств.

На защиту выносятся **следующие положения**:

1. Семантический прототип лексико-грамматического класса уступительных выражений реализуется в значении союза *хотя* и имеет вид 'имеет место Q; имеет место P; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'.

2. Изменения прототипа в значениях других уступительных единиц происходят по линии семантической конверсии, добавления валентностей и модификации прототипа по семантическим направлениям, задаваемым смыслами 'степень'; 'оценка'; '(не)желательность'; 'вероятность'.

3. Семантический прототип класса выражений со значением эмоций имеет общий вид 'X чувствует Y по причине Z'. Он модифицируется в разных типах эмоций по направлениям, задаваемым смыслами 'оценка', '(не)желательность', 'вероятность', 'действие', 'желание' и некоторыми другими.

4. Каждый тип эмоции формирует языковой кластер, в основе которого лежит прототипический сценарий эмоции. Он содержит частеречно разнородные языковые средства, которые обозначают различные подтипы эмоции и отличаются от прототипического сценария по системообразующим смыслам 'оценка', 'вероятность', '(не)желательность', 'степень', 'контроль', 'возможность', 'действие', 'желание', 'говорить' и некоторым другим.

5. Различия в частотности сочетаемости лексем и конструкций отражают различия в их семантике и языковой прагматике.

6. Состав семантических компонентов в значении языковой единицы влияет на другие свойства этой языковой единицы, в том числе на ее ассертивно-пресуппозитивную структуру, полисемию и модель управления.

Цели работы заключаются в разработке и апробации методов системного семантического и прагматического анализа больших семантических классов, состоящих из частеречно разнородных лексических и синтаксических языковых единиц, который применим для сравнения материала разных языков.

Для достижения этих целей был поставлен ряд конкретных **задач**:

1. Выделить основной состав семантического класса уступительных и эмотивных языковых единиц в русском языке.
2. Сформулировать семантический прототип уступительных и эмотивных языковых единиц в русском языке.
3. Определить основные направления семантических модификаций в классе уступительных и эмотивных языковых единиц в русском языке.
4. Разработать толкования лексических и синтаксических уступительных языковых единиц русского языка.
5. Создать полные лексикографические описания основных уступительных языковых единиц в русском языке и проследить пути развития их полисемии.
6. Провести корпусный анализ сочетаемости основных нестандартных уступительных конструкций.
7. Сформулировать семантический прототип для каждого эмоционального кластера в русском и английском языках.
8. Сформулировать толкование для каждого из основных подтипов эмоций внутри эмоциональных кластеров.
9. Провести сравнительный корпусный анализ употребления всех эмотивных языковых единиц в тестовых конструкциях в русском и английском языках.
10. Сформулировать основные положения этикета выражения эмоций в русском и английском языках.
11. Описать модели управления основных глаголов со значением эмоций и установить их семантическую мотивированность.
12. Установить зависимость между наличием системообразующего смысла 'контроль' в значениях каузативов и интерпретативов и их ассертивно-пресуппозитивной семантической структурой.
13. Исследовать феномен синкретичного соединения системообразующих смыслов в значении дейктического маркера *тут*.
14. Сформулировать значение и основные интерпретации темпоральной синтаксической фраземы *X в X (минута в минуту)* в русском и английском языках.

Исследование **выполнено на материале** двух больших семантических классов – класса уступительности в русском языке (около 70 лексических и синтаксических единиц) и класса эмоций в русском и английском языках (более двухсот лексических единиц в четырех тестовых конструкциях). Кроме того, рассматриваются: а) семантические классы физических и эмоциональных каузативов и интерпретативов (на примере нескольких десятков языковых единиц);

б) дейктические маркеры *тут*, *здесь* и *сейчас* в разных значениях; в) разные реализации синтаксических фразем со значением времени вида *X в X*, *X to X* в русском и английском языках.

При работе с языковым материалом использовались следующие **методы** исследования: метод аналитических толкований; метод лексикографического портретирования; метод описания по лексикографическим типам. Кроме того, были разработаны и апробированы метод покластерного сравнения языковых единиц со значением эмоций и метод корпусного анализа языковой прагматики.

Теоретическая значимость работы заключается, во-первых, в том, что в ней дается систематический и полный анализ семантики языковых единиц разной природы в двух обширных и сложно устроенных семантических классах русского языка: классе единиц со значением уступительности и классе единиц со значением эмоций. Способ описания позволяет представить эти сферы в виде системы семантических переходов и преобразований, связать их с другими крупными семантическими классами языка, объяснить многие их языковые свойства, в первую очередь сочетаемостные и синтаксические, а также заложить основу для межъязыкового сравнения (частично осуществленного в диссертации на материале русского и английского языков).

Во-вторых, в работе предлагается новый подход к исследованию языковой прагматики и языковой картины мира, основанный на корпусном анализе данных реального узуса; этот подход может быть применен и к межъязыковому сравнению (частично осуществленному в диссертации на материале русского и английского языков). Также делается ряд новых наблюдений над языковым этикетом и языковой картиной мира русского и английского языков в сфере эмоций и уступительности.

Наконец, общетеоретический интерес представляют наблюдения и выводы о взаимодействии значений на разных уровнях языка, в том числе о взаимодействии семантических компонентов внутри значения одной языковой единицы, о взаимодействии значений конструкций и заполняющих их лексем, о взаимодействии значений языковых единиц внутри одного семантического класса и, наконец, о взаимодействии онтологических свойств явлений с семантическими характеристиками отражающих их языковых единиц.

Результаты, полученные на сравнительном материале русского и английского языков, представляют ценность для общей семантики, прагматики (в том числе теории вежливости), грамматики конструкций и системной лексикографии.

Разработанные автором методы семантического и прагматического исследования могут быть применены к анализу других лексико-грамматических и семантических классов и положены в основу аналогичных исследований на материале других языков.

Практическая значимость работы состоит в том, что были созданы полные лексикографические описания основных уступительных единиц для Активного словаря русского языка, первый выпуск которого вышел в 2014 году. Были созданы толкования всех уступительных единиц, семантические и прагматические описания всех основных эмоциональных кластеров и подтипов эмоций русского и английского языков, а также толкования ряда других лексических и синтаксических единиц. Кроме того, были описаны многие синтаксические и сочетаемостные свойства проанализированных языковых единиц и найдена семантическая мотивация этих свойств.

Результаты исследования могут быть использованы как основа для будущих межъязыковых исследований по семантике и прагматике уступительных единиц; единиц со значением эмоций и эмоциональных каузативов; пространственных дейктических маркеров; темпоральных синтаксических фразем.

Полученные системные описания полезны и для исследования других аспектов уступительных и эмотивных языковых единиц. В частности, в самом диссертационном исследовании кластерное описание эмоций используется не только для системного описания языкового этикета, но и для анализа семантической структуры эмоциональных каузативов. На этой же основе было создано семантически мотивированное описание моделей управления основных русских глаголов со значением эмоций, которое планируется расширить и распространить на материалы других языков в будущих работах. Наконец, результаты работы могут быть использованы в теоретической и практической лексикографии как основа для описания различных лексикографических типов.

Основные положения работы прошли **апробацию** на следующих **международных научных мероприятиях**: Международной конференции по глагольным валентностям в славянских языках (11–12 декабря 2014, Прага); IV Международной конференции «Культура русской речи» (Гротовские чтения) (6–8 ноября 2014, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН); Второй конференции Американской прагматической ассоциации (17–19 октября 2014, Лос-Анджелес, США); Конференции «Корпусные технологии. Digital Humanities и современное знание», организованной НИУ ВШЭ (18–19 октября 2013 и 11–12 апреля 2014, Нижний Новгород,); 11 Международной конференции по греческой лингвистике «Мастерская по эмоциям» (26–29 сентября 2013, Родос); IV, V, VI и VII Международных конференциях по теории «Смысл-Текст» (май 2007, Клагенфурт, июнь 2009, Монреаль, сентябрь 2011, Барселона, август 2013, Прага); Международных конференциях «Диалог» (2004, 2006–2013, Бекасово); Международной конференции «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов» (2012, ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН); Международной конференции «Space and Time across Languages, Disciplines and Cultures» (апрель 2010, Кембридж, Великобритания); Международной конференции IX Шмелевские

чтения (2010, ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН); Международной конференции в честь 80-летия Ю. Д. Апресяна (февраль 2010, ИППИ РАН); Международных конвенциях Американской ассоциации славистов (2002, 2008 и 2009 гг., Питтсбург, Филадельфия и Бостон, США); Международных конвенциях Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков (2003, 2005, Сан-Диего, Вашингтон, США); Международной конференции «Формальное описание славянских языков» (2009, Москва); Международной конференции по когнитивной лингвистике (2008, Дубровник, Хорватия); Международной конференции преподавателей русского языка (2007, Гранада, Испания); Третьей международной конференции по прагматике (сентябрь 2005, Шанхай, Китай); на других конференциях и симпозиумах.

Логика решения исследовательских задач отражена в **структуре диссертации**. Диссертация состоит из трех разделов. В первом разделе, состоящем из семи глав, проводится семантический и прагматический анализ класса уступительных языковых единиц. Во втором разделе, состоящем из четырех глав, проводится сравнительный семантический и прагматический анализ класса языковых единиц со значением эмоций в русском и английском языках. Третий раздел, состоящий из трех глав, посвящен анализу взаимодействия системообразующих смыслов в значении отдельной языковой единицы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень ее разработанности, формулируются цели и задачи исследования, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, описываются методология и материал работы, перечисляются основные положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации результатов, излагается структура диссертации.

В **Первом разделе**, состоящем из введения и семи глав, проводится семантический и прагматический анализ класса уступительных языковых единиц. В первой главе этого раздела, «Уступительность как сложный системообразующий смысл», выводится и обосновывается семантический инвариант уступительности, который лежит в основе семантики всех уступительных единиц; он сводится к значению основной уступительной единицы русского языка – союза *хотя*.

В лингвистической литературе существует две традиции толкования основной уступительной единицы – союза *хотя* (англ. *although*, франц. *bien que*), которые можно условно разделить на две группы: те, которые строятся на основе причинно-следственной семантики, и те, которые опираются на семантику условия.

В подразделе **I.1.2.3.** приводятся соображения в пользу анализа семантики

уступительности с опорой на значение условия, а не значение причины, обосновывается введение фигуры говорящего в толкование уступительных единиц и формулируется значение основной уступительной единицы русского языка – союза *хотя*:

(1) *Хотя P, Q* (*Хотя он был болен [P], он пошел на работу [Q]*) = ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’⁸.

Э. Кёниг предлагает считать значение уступительности комбинацией отрицания и причины⁹. Однако перифразы высказываний с отрицанием и причинными союзами не синонимичны высказываниям с уступительными союзами:

(2) *Иван не расстроился [Q] из-за того, что проиграл много денег в рулетку [P] ≠*

(3) *Иван не расстроился [Q], хотя <несмотря на то, что> проиграл много денег в рулетку [P]*

Фразы (2) и (3) описывают одинаковую ситуацию действительности, однако различаются оценкой говорящего: во фразе (3) говорящий оценивает имеющую место ситуацию Q как нарушение обычного или естественного хода событий. Ср. также нормальность фразы (4) и неестественность фразы (5):

(4) *Странно расстраиваться из-за проигрыша*

(5) *??Странно расстраиваться, несмотря на проигрыш*

Фраза (5) аномальна из-за противоречия оценок говорящего: переживание оценивается и как странное, и как естественное (выражается предлогом *несмотря на*), что и приводит к аномалии¹⁰.

Второе возражение к каузальному анализу уступительности касается адекватности опоры на смысл ‘влиять’ vs. смысл ‘если’. В работах Е. В. Урысон предлагается следующее толкование союза *хотя*, основанное на семантике каузальности¹¹:

(6) *Хотя P, Q =*

‘i. имеет место ситуация P;

(ii-a, пресуппозиция) известно, или говорящий считает, что ситуация типа P обычно влияет на положение дел, в результате если имеет место ситуация типа P, то не имеет место ситуация типа Q;

[б] в данном случае имеет место Q, имеет место P’.

⁸ Здесь и далее формулировка ‘чтобы имела место ситуация типа не-Q’ употребляется в значении ‘чтобы не имела места ситуация типа Q’.

⁹ E. König. Concessive relations as the dual of causal relations. In: D. Zaefferer (ed.). *Semantic Universals and Universal Semantics*. Dordrecht: Foris. Löbner, S., 1987, p. 196.

¹⁰ Ю. Д. Апресян. *Избранные труды*. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография М., 1995, с. 619.

¹¹ Е. В. Урысон. *Опыт описания семантики союзов*. М., 2011, с. 119.

Есть некоторые случаи, где толкование с опорой на компонент ‘влиять’ дает неверную интерпретацию, а именно, эпистемические¹² и иллокутивные¹³ употребления.

Эпистемические употребления:

(7) *Хотя утром больному было немного лучше [P], вечером он умер [Q]*

Иллокутивные употребления:

(8) *Хотя я туда не собираюсь [P] — когда будет собрание? [Q]*

В эпистемических употреблениях союз *хотя* указывает не на препятствие, существующее для ситуации Q в реальном мире, а на препятствие в виде чьей-то точки зрения, которая мешает сделать вывод о существовании Q. В иллокутивных употреблениях союз *хотя* характеризует отношение между пропозициональным смыслом одного предложения и фактом произнесения другого предложения.

Для эпистемических употреблений *хотя* подстановка толкования с компонентом ‘влиять’ дает аномальную интерпретацию: небольшое временное улучшение в состоянии влияет на исход болезни. При этом подстановка в эти фразы толкования с компонентом ‘если’ дает естественную интерпретацию: обычно, если больному становится немного лучше, естественно ожидать, что он выздоровеет.

Для иллокутивных употреблений *хотя* подстановка толкования с компонентом ‘влиять’ вовсе невозможна. Компонент ‘влиять’ семантически скрывает в себе причинный союз *потому что*, а для причинных союзов, в отличие от условных, иллокутивное употребление нехарактерно; ср. правильность фразы вида *Если я соберусь к нему на день рожденья — какой у него адрес?* при невозможности или сомнительности **Потому что <?? поскольку, ?? так как> я собираюсь к нему на день рожденья, какой у него адрес?*

Таким образом, толкование основной уступительной лексемы *хотя I* должно опираться не на смысл ‘влияет’, а на более общий смысл ‘если’.

Во второй главе рассматриваются основные пути модификации прототипического уступительного значения, сформулированного в первой главе, и показывается, как из этого прототипа получаются толкования других уступительных единиц.

В подразделе I.2.1. рассматриваются конверсия и добавление валентностей. Конверсивами к *хотя* являются единицы *тем не менее*, *всё-таки I*, *всё же I*. Различие между ними состоит в статусе валентностей P и Q. У *хотя I* первая валентность — это P, у *тем не менее*, *всё-таки I*, *всё же I* первая валентность —

¹² E. I. Crevels. Concession: a typological study (dissertation). Amsterdam Center for Language and Communication, Faculteit der Geesteswetenschappen. Amsterdam, 2000, p. 30–32.

¹³ Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007, с. §430.

это Q. Ср. *Шел дождь* [P], *тем не менее мы пошли гулять* [Q]. Это различие дает ряд рефлексов. Во-первых, часто лексемы *тем не менее*, *всё-таки 1*, *всё же 1* вообще не требуют упоминания ситуации P в пределах того же высказывания: *Я все-таки приеду*. Во-вторых, поскольку у этих лексем указание на ситуацию P формирует фон сообщения, а в фокусе внимания находится Q, то для них более характерен порядок, когда сначала заполняется валентность P, а затем валентность Q; ср. *Я тороплюсь* [P], *но вы всё-таки <всё же> зайдите* [Q].

У уступительных лексем *как-никак 1*, *всё-таки 2*, *всё же 2* к прототипу добавляется валентность причины:— *Зачем ты пригласил на день рождения* [Q] *этого зануду Анатолия* [P]? — *Родственник, как-никак <всё-таки, всё же>* [R]. Тот факт, что Анатолий зануда [ситуация P], должен был бы помешать приглашению на день рождения [ситуация Q], однако этого не происходит по причине R [Анатолий является родственником]. Их толкование:

(9) P Q; как-никак 1 <всё-таки 2, всё же 2>, R = ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация Q, потому что имеет место ситуация R’.

Валентность причины есть также у уступительных лексем *добро бы*, *пускай бы* и *ладно бы*, но их значение также осложнено семантическими наращениями гипотетичности и оценки.

В подразделе I.2.2. рассматриваются семантические модификации уступительного значения по смыслам реальность/гипотетичность, степень, оценка и желательность.

Прототип уступительности – союз *хотя* – фактивен и не предполагает оценки ситуаций P и Q. При наращении гипотетичности компонент ‘имеет место P’ модифицируется в ‘может иметь место P’, компонент ‘имеет место Q’ – в ‘будет иметь место Q’. Данное наращение есть в толкованиях единиц *хоть 5*, *пусть 3*, *пускай 3*, *пусть даже*, *даже если 2*, необиходн. *если и 2*, уходящ. *хоть бы 3 (и)*, уходящ. *хоть бы 3 (и)*, где оно сочетается с добавлением смысла высокой степени, а также в толкованиях единиц *по крайней мере 2*, *хоть бы 2*, *хоть 3* и *если уж не..., то*, где оно сочетается с наращением высокой/низкой степени и желательности.

Наращение гипотетичности может затрагивать добавленную валентность причины R, как в значениях лексем *добро бы* и *пускай бы*, где она модифицируется в валентность гипотетического условия, при котором говорящий был бы готов согласиться на существование нежелательной ситуации Q.

При наращении желательности ситуация Q может осмысливаться как желательная (*хоть бы*, *только бы*, *лишь бы*) или как нежелательная (*по крайней мере 2*, *хоть бы 2*, *хоть 3*).

Степенную оценку Q предполагают фраземы *несмотря ни на что*, *при всём том* и конструкции *при всём...* и к-местоимение + *ни*. Они указывают на то, что

ситуация Q оценивается как существенное препятствие на пути к P.

Нарращение степени присутствует также в значениях лексем *хоть 5, пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если 2, если и 2*, где оно сочетается со смыслами гипотетичности, а также по крайней мере *2, хотя бы 2, хоть 3*, где оно сочетается со смыслами гипотетичности и желательности.

В третьей главе строятся толкования основных уступительных единиц, которые делятся на три подкласса: (1) единицы, у которых валентность P является первой, а валентность Q — второй (*хотя 1, несмотря на, даром что*, конструкция вида *к-местоимение + (бы) + ни*, конструкция вида *при всём X-е* и др.); (2) конверсивные им единицы, у которых валентность Q является первой, а валентность P — второй (*всё-таки 1, всё же 1, всё-таки 2, всё же 2, в то же время* и др.); (3) единицы, у которых первой является валентность причины R (*как-никак 1, всё-таки 2, всё же 2, добро бы, пускай бы* и др.).

Подраздел 3.1. посвящен анализу единиц первого подкласса. Значение союза *хоть* совпадает со значением прототипа *хотя 1*, их различия относятся к сфере стиля. Предлоги *несмотря на* и *невзирая на* и производные от них союзы отличаются от прототипа тем, что предполагают более жесткую связь между ситуацией P и ситуацией не-Q:

(10) *Это я точно знал, хотя не помнил, откуда.*

(11) ^{??}*Это я точно знал, несмотря на то <невзирая на то>, что не помнил, откуда.*

Хотя маркирует странность ситуации Q в контексте P, *несмотря на* и *невзирая на* — ее ненормальность. Толкование *несмотря на*:

(12) *Несмотря на P (на то, что P), Q* = ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то всегда имеет место ситуация типа не-Q или нормально, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

Предлог *невзирая на* антропоцентричен: он обычно употребляется, когда субъект ситуации P — человек; ср. странность ^{??}*Было холодно, невзирая на солнце*. Кроме того, он предполагает целенаправленные действия субъекта: ср. *Невзирая на старость и болезнь, он всё еще занимался государственными делами* (Н. М. Карамзин, История государства Российского) при неестественности ^{??}*Она мне не нравится, невзирая на красоту*. Толкование *невзирая на*:

(13) *Невзирая на P (на то, что P), Q* = ‘имеет место ситуация P; субъект осуществляет действие Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то нормально, что субъект не может осуществить действие типа Q’.

К этим предлогам близка фразема *несмотря ни на что*, указывающая на высокую степень или множественность P, а также желательность Q; ср. странность [?]*Я проиграю эту партию, несмотря ни на что*. Толкование *несмотря ни на что*:

(14) *Несмотря ни на что, Q* = ‘имеет место много P или P в высокой степени; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то всегда имеет

место ситуация типа не-Q или нормально, чтобы имела место ситуация типа не-Q; говорящий хочет, чтобы Q имела место; Q имеет место’.

Разговорная фразема *даром что* подразумевает, что ситуация P является существенным препятствием для ситуации Q; ср.:

(15) [?]*Мы гуляли два часа [Q], даром что накрапывал дождик [P].*

(16) *Мы гуляли два часа [Q], даром что лил ливень [P].*

Во-вторых, *даром что* предполагает высокую степень Q:

(17) *Я чувствую себя совершенно разбитой [Q], даром что весь день ничего не делала.*

(18) [?]*Я чувствую себя слегка усталой [Q], даром что весь день ничего не делала.*

Толкование *даром что*:

(19) *Q, даром что P* = ‘имеет место P в высокой степени; имеет место Q в высокой степени; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

Конструкции вида *к-местоимение + ни P, Q* и *при всем P, Q* представляют собой одновременно аналог и антипод фраземы *несмотря ни на что*. Они также содержат наращения степени и желательности, однако, в отличие от «оптимистичной» фраземы *несмотря ни на что*, чаще употребляются в контекстах, указывающих на доминирование нежелательного Q несмотря на многочисленные благоприятные обстоятельства или усилия P; ср.: *Как он ни старался [P], он ничего не сумел добиться [не-Q]; При всем своем уме, он ничего не добился*. Толкование:

(20) *К-местоимение + ни P, Q <при всё P, Q>* = ‘имеет место много P или P в очень высокой степени; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; говорящий не хочет, чтобы Q имела место; Q имеет место’.

У конструкции *к-местоимение + ни P, Q* есть идиоматичные реализации *как ни крути, как ни верти, что (там) ни говори*. *Что (там) ни говори* предполагает полемику с потенциальным оппонентом:

(21) *Что (там) ни говори, Q* = ‘кто-то считает или утверждает, что Q нет; говорящий считает, что если кто-то считает или утверждает, что какой-то ситуации нет, то обычно или естественно, чтобы этой ситуации не было; говорящий утверждает, что Q имеет место’.

Фраземы *как ни крути* и *как ни верти* указывают на нежелательность Q:

(22) *Как ни крути <верти>, а ничего из этой идеи не выйдет.*

(23) [?]*Как ни крути <верти>, а всё складывается наилучшим образом.*

Толкование:

(24) *Как ни крути <как ни верти>, Q* = ‘говорящий не хочет, чтобы было Q; кто-то считает, что если что-то сделать, то Q может не быть; говорящий считает, что Q имеет или будет иметь место’.

Следующая группа уступительных единиц (*хоть 5, пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если 2, если и 2, хотя бы 3, хоть бы 3, да будь*) содержит модификации степени и гипотетичности. Говорящий выражает убежденность, что даже если ситуация Р будет иметь место в очень высокой степени, Q все равно будет иметь место; ср. *Не пуцу, хоть зарежьте; Пусть хоть все будут против, я все равно это сделаю.*

Ситуация Р может быть фактом (ср. *Пусть он самый младший, все равно должен стараться*), но чаще это предположение (*Если и позовут, не приду*).

Эти единицы перспективны относительно Q: если Q — факт, их употребление затруднено:

(25) **Я пошла пешком, хоть бы <даже если> там было десять километров.*

Толкование:

(26) *Хоть 5 <пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если 2, если и 2, хотя бы 3, хоть бы 3, да будь>* Р, Q = ‘может иметь место Р в очень высокой степени; говорящий уверен, что имеет или будет иметь место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

Лексемы *ладно, так и быть, пусть 2* и *пускай 2* употребляются для выражения неохотного согласия; ср.: — *Пожалуйста, ну разреши ему прийти. — Ну ладно, пусть <пускай> приходит [Р].* У них есть только одна синтаксически выраженная валентность — нежелательной ситуации Р, на существование которой говорящий выражает свое согласие. Именно указанием на нежелание говорящего *пусть 2* и *пускай 2* отличаются от лексем *пусть 1* и *пускай 1*, которые указывают на желание говорящего, чтобы Р была. Это семантическое различие дает просодический рефлекс: *пусть 1* и *пускай 1* безударны, в то время как *пусть 2* и *пускай 2* несут на себе главное фразовое ударение:

(27) *Пусть посидит* ↓ *еще* [‘Я хочу, чтобы он посидел еще’].

(28) ↑ *Пусть посидит* *еще* [‘Я согласен, чтобы он посидел еще’].

Указание на нежелание говорящего, чтобы ситуация Р существовала, свойственно также единицам *ладно* и *так и быть*.

Пусть 2 и *пускай 2* отличаются от (*ну*) *ладно* и *так и быть*, тем, кто является субъектом ситуации Р. Для (*ну*) *ладно* и *так и быть* это может быть кто угодно, для *пусть 2* и *пускай 2* — это третье лицо, но не адресат и не говорящий:

(29) *Ну ладно <так и быть>, приду.*

(30) **Ну пусть <пускай> приду.*

Толкования:

(31) (*Ну*) *ладно <так и быть>* Р = ‘говорящий не хочет, чтобы имела место Р; кто-то хочет, чтобы имела место Р; обычно или естественно, если кто-то не хочет, чтобы какая-то ситуация имела место, то он не соглашается на то,

чтобы она имела место; говорящий соглашается, чтобы Р имела место’.

(32) *пусть 2 <пускай 2> P = ‘говорящий не хочет, чтобы имела место Р; кто-то хочет, чтобы имела место Р; обычно или естественно, если кто-то не хочет, чтобы какая-то ситуация имела место, он не разрешает, чтобы она имела место; говорящий разрешает, чтобы Р имела место’.*

Единицы *в то время как 3, между тем как 3, тогда как 2* отличаются от прототипа указанием на менее жесткую условную зависимость между Р и не-Q, ср.: *Геометрия говорит о точках, линиях, плоскостях и развивает о них целый ряд ложных учений, между тем как физик не может даже допустить существования чего-либо подобного* (С. Л. Франк, Религия и наука). Подстановка *хотя* в эту фразу создает ложное представление об условной зависимости между воззрениями физика и воззрениями геометра. В силу того, что связь между Р и не-Q достаточно слаба и Р и Q равноправны, эти единицы часто допускают перестановку пропозиций, выражающих валентности Р и Q в высказывании:

(33) *Зарплаты очень низкие [Q], в то время как <между тем как, тогда как> цены высокие [P].*

(34) *Цены высокие [P], в то время как <между тем как, тогда как> зарплаты очень низкие [Q].*

Толкование:

(35) *P, в то время как 3 <между тем как 3, тогда как 2> Q = ‘имеет место Р; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то более естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; если имеет место ситуация типа Q, то более естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Р’.*

В разделе I.3.2. рассматриваются уступительные единицы типа *всё-таки 1*, у которых валентность Q является первой, а валентность Р — второй. Главные представители этого подкласса – частицы *всё-таки 1, всё же 1, всё равно 3* и *тем не менее*, которые конверсивны союзу *хотя 1*. Толкования:

(36) *P, тем не менее Q = ‘имеет место Q; имеет место Р; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.*

(37) *P, всё-таки 1 <всё же 1> Q = ‘имеет место Q; имеет место Р; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то чаще имеет место ситуация типа не-Q; субъект Q или говорящий не безразличен к Q’.*

(38) *P, всё равно 3 Q = ‘имеет место Q; имеет место Р; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; субъект Q или говорящий хочет, чтобы Q имела место или хочет, чтобы Q не имела места’.*

Всё-таки 1, всё же 1 и особенно *всё равно 3* указывают на заинтересованность субъекта или говорящего в ситуации Q; ср. *Все равно я стану актрисой [Q], не такая уж я бездарь* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора).

В разделе I.3.3. рассматриваются единицы, у которых первая валентность — это ситуация R, вторая валентность — это ситуация Q, третья валентность — это ситуация P.

Главные представители этого класса уступительных единиц — это синонимы *как-никак 1*, *все-таки 2*, *все же 2*. Они предполагают попытку говорящего оправдать ситуацию Q, которую адресат оценивает негативно: — *Почему ты ей все о нас рассказала?* — *Потому что она моя лучшая подруга* [нейтральное объяснение] VS. — *Почему ты ей все о нас рассказала?* — *Она, как-никак, моя лучшая подруга* [попытка оправдания].

Толкование:

(39) *P Q*; *как-никак 1* <*все-таки 2*, *все же 2*>, R = ‘имеет место P; имеет место Q; кто-то считает ситуацию Q странной или плохой; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация Q, потому что имеет место ситуация R; говорящий считает, что кто-то может считать, что R недостаточно, чтобы было Q’.

Лексемы *добро бы*, *пускай бы* и *ладно бы* предполагают не только добавление валентности, но и оценку ситуации Q говорящим как плохой или нежелательной. Говорящий формулирует условие R, при котором он был бы готов принять ситуацию Q: ср. *Я ни разу в жизни не слышал такого живодерского смеха! Да добро бы он только смеялся!* (Вен. Ерофеев, Москва-Петушки); *Шепчиха видит, что это уже не собака, а панночка. Да притом пускай бы уже панночка в таком виде, как она ее знала — это еще бы ничего* (Н. В. Гоголь, Вий); *И ладно бы его плохое поведение ограничилось школьными годами — так нет же* («Вечерняя Москва», 2002.01.10). Толкование:

(40) ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то плохо, чтобы имела место ситуация типа Q; говорящий считает, что если бы имела место ситуация R, то было бы не так плохо, если бы имела место ситуация типа Q’.

К этим единицам близки фраземы (*еще*) *куда ни шло* и *еще туда-сюда*, которые указывают на то, что какое-то положение вещей говорящий считает приемлемым и готов на него согласиться, а какое-то — заведомо неприемлемым. Они указывают на количественное соотношение имеющих место ситуаций: та из них, которая оценивается как допустимая [P], представляет собой более низкую степень той, которая является неприемлемой [Q]; ср.:

Ну! Ну! Ну! Ну!

Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!

Еще двадцать, еще тридцать,

Ну, еще туда-сюда,

А уж сорок,

Ровно сорок —

Это просто ерунда! (Д. Хармс).

Толкование:

(41) *P* (еще) куда ни шло <еще туда-сюда>, *Q* = ‘имеет или может иметь место *P*; имеет место или может иметь место *Q*; говорящий считает, что плохо, если имеет место ситуация типа *Q*; говорящий считает, что не так плохо, если имеет место ситуация типа *P*’.

В четвертой главе на примере нестандартных уступительных конструкций *при всем P, R Q* и *к-местоимение ни P, R Q* рассматривается несколько взаимосвязанных языковых процессов: (1) семантический переход от одного смысла конструкции к другому; (2) взаимодействие значений конструкций и лексем, заполняющих их валентности; (3) эволюция конструкций в языке. Кроме того, проводится корпусный анализ языковой прагматики этих конструкций.

Трактовка синтаксических фразеологических единиц в данном исследовании опирается на традиции грамматики конструкций (Ч. Филлмор) и теории «Смысл-Текст» (И. А. Мельчук, Л. Л. Иомдин). Разграничение конструкций на типы по степени фразеологизации во многом пересекается, но не полностью совпадает с классификацией Л. Л. Иомдина.¹⁴

Процесс семантического перехода от одного смысла к другому освещается в подразделах I.4.2.1. и I.4.4.1, где рассматривается развитие уступительного значения из условного у конструкции *при всем P, R Q* и из кванторного у конструкции *к-местоимение R ни P, Q*. В подразделе I.4.2.1. рассматривается русская конструкция с предлогом *при* и квантором всеобщности вида *при всем P, R Q* и ее английский аналог *with all P, R Q* и показывается, что эти две конструкции находятся на разных этапах семантического развития. В русском языке конструкция уже «закрепилась» в уступительном значении, в то время как в английском ее аналог не достиг аналогичной степени фразеологизации и имеет две интерпретации — условную и уступительную, как это свойственно и свободной русской конструкции с предлогом *при*:

(42) *При всех своих талантах [P], он [R] ничего не добьется [Q].*

(43) **При всех своих талантах [P], он [R] добьется всего, чего захочет [Q].*

(44) *With all his bad habits, he gets on my nerves all the time*

‘Со всеми своими плохими привычками, он все время действует мне на нервы’

Нестандартная конструкция *при всем P, R Q* допускает заполнение

¹⁴ Л. Л. Иомдин. Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2010. С. 141–190.

валентности P только именами градуируемых свойств, что необязательно для свободной конструкции *with all P , R Q* ; ср. *При всей своей доброте, он раздражителен, При всей своей красоте, она часто выглядит плохо, With all her makeup, she often looks horrible*, но не **При всем своем макияже, она часто выглядит плохо*.

В подразделе I.4.4.1 анализируются два значения конструкции вида k -местоимение R ни P , Q и показывается, как из исходного кванторного значения развивается уступительное значение, которое и является основным значением этой конструкции в современном русском языке. Интерпретация конструкции зависит от k -местоимения и типа предиката, заполняющего валентность P . С неградуируемыми P конструкция имеет кванторную интерпретацию со значением любого варианта, с градуируемыми – уступительную; ср. *Как ни сформулировать текст отчета, результаты выглядят бледно* (любой вариант) VS. *Как она его ни упрасивала, он не согласился* (уступительная). Толкования:

(45) K -местоимение R ни P , Q = ‘при любом варианте R , который характеризуется P , R характеризуется Q ’

(46) K -местоимение R ни P , Q = ‘ R характеризуется P в высокой степени; говорящий считает, что обычно в таких условиях R не- Q ; R Q ’

Семантически идеи любого варианта и уступительности не идентичны: ср. ‘произвольно выбранный из всех возможных P ’ VS. ‘такой P , который препятствует Q ’. Однако прагматически сочетания с квантором *любой* типа *в любом случае Q , при любых обстоятельствах Q , в любое время Q , любой ценой Q* гораздо чаще используются, когда необходимо подчеркнуть, что Q будет иметь место даже при самых экстремальных вариантах — в самых неблагоприятных обстоятельствах, в самое неудобное время и пр.

Трансформация ‘любой’ => ‘крайний, неблагоприятный, экстремальный’ объясняется максимой информативности: отмечать, что Q имеет место при благоприятствующем варианте P , неинформативно.

Механизму взаимодействия значений конструкций и лексем посвящены подразделах I.4.2. – I.4.4. В них описываются семантические модификации, которым подвергается исходный смысл конструкции при заполнении ее валентностей разными семантическими классами лексем.

В разделе I.4.2.3. показывается, каким образом положительная или отрицательная оценка денотатов лексем, заполняющих валентности P и Q в конструкции *при всём P , R Q* , влияет на общую «пессимистическую» или «оптимистическую» интерпретацию описываемой ситуации. Для конструкции возможны следующие интерпретации, фиксирующие нарушение разных типов ожиданий:

1. ожидание сходства между P и Q , общая интерпретация оптимистическая:

(47) *При всей своей грубости [P], в душе он человек добрый [Q].*

2. ожидание сходства между Р и Q, общая интерпретация пессимистическая:

(48) *При всей своей образованности [P], он человек совершенно не творческий [Q].*

3. ожидание несходства между Р и Q, общая интерпретация оптимистическая:

(49) *При всех своих талантах [P], он еще и очень образован [Q].*

4. ожидание несходства между Р и Q, общая интерпретация пессимистическая:

(50) *?? При всей своей необразованности [P], он еще и совершенная бездарь [Q].*

По данным НКРЯ, первая интерпретация примерно в два раза частотнее второй, третья представлена единичными примерами, четвертая практически не встречается в узусе.

На основании анализа интерпретаций конструкции *при всём X-е, Y P* можно сделать следующие выводы о принципах мироустройства, отраженных в ее прагматике:

(1) естественно ожидать, что если человек или объект хорош в чем-то одном, то он хорош и в другом, а если человек или объект плох в чем-то одном, то он плох и в другом (ожидание сходства, первые две интерпретации);

(2) естественно ожидать, что если человек или объект хорош в чем-то одном, то он плох в чем-то другом, а если человек или объект плох в чем-то одном, то он хорош в чем-то другом (ожидание несходства, вторые две интерпретации).

Как показывают корпусные данные, второй закон прагматически не симметричен первому: во-первых, для конструкции *при всём P R Q* принцип последовательности важнее, чем принцип разнообразия. Во-вторых, ожидания, что если человек или объект плох в чем-то одном, то он хорош в чем-то другом, конструкция *при всём P R Q* не отражает.

В разделах I.4.3. – I.4.4. описывается, как меняется интерпретация конструкции *как R ни P, Q* при заполнении разными типами лексем. При заполнении валентности Р конативом (*стараться, пытаться*) или иллокутивом (*уговаривать, умолять*), конструкция имеет интерпретацию «неудачного усилия»: *Как она его ни уговаривала, он не согласился*. При заполнении Р градуируемым признаком со значением вероятностной оценки конструкция имеет интерпретацию «необычности»: *Как это ни странно <удивительно>, он пришел*. При заполнении Р градуируемым признаком со значением отрицательной оценки конструкция имеет «извиняющуюся» интерпретацию (*Как это ни глупо, но это так*). При заполнении градуируемым признаком со значением положительной оценки конструкция имеет «уравновешивающую» интерпретацию (*Как она ни хороша собой, а есть и более красивые девушки*). Указанные корреляции имеют характер частотных тенденций, а не абсолютных правил.

Разные типы интерпретаций отражают разные принципы мироустройства

(ср. «общие принципы» В.З. Санникова), отраженные в языковой картине мира, например, интерпретация «неудачного усилия» — представление о том, что обычно усилия приводят к результату, и что события происходят вследствие сознательных усилий заинтересованного субъекта.

Процесс эволюции конструкций в языке рассматривается в разделах I.4.1 и I.4.2, а также I.4.4–5. На данных корпусной сочетаемости показывается, что у нестандартных конструкций имеется небольшое число лексем-«фаворитов», которые «обслуживают» большой процент их реализаций. Так, лексема *странный* заполняет валентность Q в конструкции *как R ни P, Q* примерно в половине всех употреблений с прилагательными; лексема *стараться* — примерно в пятнадцати процентах глагольных употреблений. На выбор лексем-«фаворитов» влияют правила семантического согласования, а также особенности языковой прагматики исследуемого языка.

Показывается эволюция конструкций от более стандартных (т. е. более композициональных и сочетаемостно свободных) к нестандартным, сопровождающаяся сужением значения и сочетаемости. Эволюция конструкций может предполагать фразеологизацию и грамматикализацию наиболее частотных вариантов их заполнений, с переходом этих реализаций в разряд устойчивых коллокаций, лексических фразем и даже поговорок (устойчивые обороты *как ни странно, как ни прискорбно, фраземы как ни крути, как ни верти, куда ни плюнь, что ни говори, кто ни попадя, фраземы при всём желании, при всём уважении, при всём том, при этом, поговорка Куда ни кинь — всюду клин*).

Пятая глава определяет место уступительности в кругу родственных языковых системообразующих смыслов. Как показывается во второй, третьей и четвертой главах, на синхронном уровне уступительность связана с системообразующими смыслами желательности, гипотетичности и степени, которые задают основные направления семантических модификаций прототипа в этом семантическом классе. В пятой главе эта связь рассматривается в диахроническом аспекте, на уровне полисемии.

Многие уступительные единицы развиваются из слов, основное значение которых связано с реальностью/гипотетичностью, желательностью или степенью, и естественно, что в ходе такой семантической эволюции производное (уступительное) значение лексической единицы сохраняет в себе «отсвет» основного.

Особенно продуктивными в этом смысле являются слова со значением количества или степени. От слов со значением степени происходят следующие уступительные единицы: *только бы 1, лишь бы 1, (вот) только 3; по крайней мере 2*; с кванторной семантикой связаны также нестандартные уступительные конструкции *при всем P, Q* и *как ни P, Q*, которые подробно рассматриваются в четвертой главе.

В качестве примера лексического перехода количественного значения в уступительное рассматривается полисемия частицы *по крайней мере*, которая имеет количественное и уступительное значения.

Некоторые уступительные единицы являются производными от слов со значением реальности/гипотетичности (или фактивности/путативности). Так, во многие уступительные выражения входят форманты *если* и *бы* со значением гипотетичности (*если даже, если и 2; если уж не...; хотя бы 3 (и), хоть бы 3 (и); добро бы, пускай бы, ладно бы; только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*); уступительный союз *правда 4.3* является производным от существительного *правда 1* с фактивным значением; путативное слово *конечно* развивает уступительное значение; ср. *Что друзья твои погибли, это жаль, конечно. Но ты пойми: без жертв не бывает* (Ю. Буркин, Рок-н-ролл мертв).

Многие уступительные единицы восходят к единицам со значением желательности: *хотя 1* происходит от глагола *хотеть*; уступительные лексемы *пусть 2, пускай 2* и *пусть 3, пускай 3* являются производными от оптативных лексем *пусть 1* и *пускай 1*; фраземы *добро бы* и *ладно бы* происходят от слов *добро* и *ладно* со значением положительной оценки и желательности.

В разделе I.5.2. на примере двух синонимических рядов — *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2* (*Я готова жить где угодно, только бы уехать из этого города*) и *по крайней мере 2, хотя бы 1, хоть 3* (*По крайней мере не мешай, если помочь не можешь*) — рассматриваются связи уступительных лексем с другими, семантически близкими им лексемами, а также анализируется взаимодействие семантических компонентов ‘желание’, ‘реальность/гипотетичность’ и ‘высокая / низкая степень’ в их значениях.

Лексемы *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2* сближаются, в первую очередь, с оптативами, в том числе указывающими на очень низкую вероятность или невозможность осуществления ситуации Q (лексема *вот бы*), а также с перформативами *пусть 1, да 9* и *чтоб 4*. Толкование:

(51) (*Пусть*) P, *только бы <лишь бы, хоть бы> Q* = ‘субъект (часто сам говорящий) очень хочет, чтобы было Q; он считает, что если не будет других P, которые он хочет, или будут P, которых он не хочет, то может быть Q; он говорит, что хочет, чтобы было Q; он говорит, что согласен, чтобы не было P, которые он хочет или были P, которых он не хочет’.

Лексемы ряда *по крайней мере 2, хотя бы 1, хоть 3* описывают ситуацию, когда в отсутствие чего-то большего или лучшего говорящий (или субъект) готов был бы удовлетвориться чем-то малым. Толкование:

(52) *Если уж не P, то по крайней мере <хотя бы, хоть> Q* = ‘субъект или говорящий очень хочет, чтобы было P; субъект или говорящий считает, что P не будет; субъект или говорящий считает, что может быть Q; субъект или говорящий хочет, соглашается, делает или готов делать так, чтобы было Q, которое

мало или меньше Р'.

Между лексемами *по крайней мере 2*, *хотя бы 1*, *хоть 3* есть некоторые семантические различия. Основное различие между синонимами, из которого вытекают все остальные, касается количественных характеристик ситуации Q, на которую готов согласиться субъект. *По крайней мере 2* предполагает сравнение Q с чем-то лучшим: *По крайней мере, вы обязаны обеспечить служащим нормальные рабочие условия (если уж не высокую зарплату)*.

В *хоть 3*, напротив, сравнение идет с чем-то худшим, чем искомая ситуация: субъект допускает, что он получит существенно меньше, чем хочет, или вообще ничего и просит об очень малом: *Дай мне хоть корку хлеба <глоток воды, миг передышки>*. Частица *хоть 3* отрицательно поляризована: она употребляется в контексте лексем со значением ничтожно малой степени (*крошечка, крупица, капелька* и т. п.).

Низкая вероятность получения Q увеличивает желание субъекта обладать им, и в *хоть 3* это желание сильнее, чем в *хотя бы 1* и тем более в *по крайней мере 2*.

Таким образом, семантические компоненты гипотетичности, степени и желания в значении уступительных единиц связаны: высокая степень желания коррелирует с высокой степенью гипотетичности, т.е. с низкой вероятностью наступления ситуации, и, соответственно, с низкой степенью контроля субъекта над ней. Предположение о семантической связи желания и контроля подтверждается на совершенно ином языковом материале; см. третью главу в разделе «Взаимодействие значений в пределах одной языковой единицы», где показывается, что в семантической структуре каузативов связаны контроль и конативность (т.е. попытка, в основе которой лежит желание).

В разделе I.5.3. уступительность рассматривается в контексте близкого ему смысла 'компенсация'. Ряд уступительных лексем *хотя 2 (и)*, *хоть 2 (и)*, *правда 4.3*, *(вот) только 4*, выражающих смысл 'оговорка', сравнивается с союзом со значением 'компенсации' *зато*.

Союзы со значением 'оговорки' употребляются в контекстах, когда говорящий, сообщая о существовании ситуации Р (обычно желательной), считает необходимым отчасти уравновесить свое высказывание сообщением о существовании менее важной ситуации Q (обычно нежелательной). Для них предлагаются следующие толкования:

(53) *Р хотя <хоть> (и) Q* = (Он был добр [Р], *хотя и вспылчив* [Q]) = 'У объекта или ситуации есть признак Р; у объекта или ситуации есть признак Q; Р и Q противоположно направлены или противоположно оцениваются говорящим; говорящий считает, что в данной ситуации Р важнее, чем Q'.

(54) *Р, правда <вот только>, Q* = (Он был очень добр [Р], *правда, вспылчив* [Q]) = 'имеет место ситуация Р, часто желательная; имеет место ситуация Q, часто нежелательная; говорящий считает, что в данной ситуации

Р несколько важнее, чем Q; говорящий признает, что ситуация Q тоже может быть важной’.

Семантически к единицам *правда* и *(вот) только* очень близок союз *зато*:

(55) *Р, зато Q (Он вспыльчивый, зато добрый)* = ‘имеет место ситуация Р, обычно нежелательная; имеет место не связанная с ней ситуация Q, обычно желательная; говорящий считает, что в данной ситуации Q важнее, чем Р’.

При этом прагматически он им диаметрально противоположен. *Зато* вводит указание на желательную и более сильную ситуацию, а лексема *(вот) только 4* — на нежелательную и более слабую. Обратное употребление нехарактерно для *зато* и невозможно для *(вот) только 4*; ср. странность (56) и невозможность (57):

(56) ?*Было солнечно [Р], зато холодновато [Q].*

(57) **Было холодновато [Р], (вот) только солнечно [Q].*

Высказывания с *зато* прагматически воспринимаются как «сильные», поскольку *зато* вводит указание на доминирующую ситуацию, а порядок слов (доминирующая ситуация упоминается второй) придает дополнительный вес сообщению. *Правда* и *(вот) только 4* прагматически «слабые» единицы. Они имеют обратное распределение акцентов: сначала сообщается о существовании желательной ситуации, а затем — о существовании менее важной нежелательной; таким образом, порядок следования сообщений не поддерживается естественными законами построения фразы, согласно которым полагается более важную часть сообщения помещать в конце. В результате сообщение о существовании нежелательной ситуации приобретает дополнительный вес. Подобное различие прагматических функций можно наблюдать и между разными типами уступительных единиц: единицы, у которых первой валентностью является валентность «препятствия» (типа *хотя 1*), воспринимаются как прагматические более слабые и «уступительные», чем единицы, вводящие валентность «победившей» ситуации (типа *все-таки*), отчего их часто относят к противительным языковым средствам.

В шестой главе диахронические связи уступительности с системообразующими смыслами соответствия действительности и степени рассматриваются на материале полисемии слова *правда* и слов со значением малой степени.

В подразделе I.6.1. в диахроническом и синхронном аспектах объясняется механизм возникновения у вокабулы *правда* уступительного значения. Диахроническая полисемия вокабулы *правда* целиком построена вокруг связанных с *правый* идеей справедливости, праведности, правоты и права. Положительные коннотации *правого* отмечаются в работах В. В. Виноградова, А. Я. Шайкевича, Б. А. Успенского, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова и других ученых. Таким образом, диахронически *правда* окрашена исключительно положительными коннотациями. Однако в современном русском языке распределение

семантических акцентов у *правды* поменялось и, соответственно, поменялась прагматическая окраска и оценка этого слова. В иерархии лексем слова *правда* значения, связанные с идеями праведности, правоты и добродетели, сильно «опустились» — они либо перешли в необходимые стилистические регистры, либо устарели, либо исчезли полностью. На первый план вышло фактивное значение соответствия действительности, которое стало стержневым для всей полисемии этого слова. Кроме того, у слова *правда* появились новые разговорные лексемы со значением уступительности, которые функционируют как служебные слова — частица и союз (*Он добрый, правда необязательный*). В связи со всем этим общая доля положительной оценки в *правде* несколько уменьшилась, а в некоторых значениях сменилась отрицательной.

На основе анализа сочетаемости формулируется первое значение вокабулы *правда*, позволяющее ей развить уступительное значение. Во-первых, *правда 1.1.* — это нечто, что часто бывает **скрытым** (*узнать правду, пытаться выяснить правду, искать правду, раскрыть правду, докопаться до правды*); во-вторых, *правда 1.1. неприятна* (*горькая <страшная, ужасная, жестокая, грубая> правда, но не *узнать светлую правду, *докопаться до святой правды*). Толкование:

(58) *правда об А1* ‘То, каким А1 является в действительности; люди не знали, какой А1, или думали, что А1 другой; говорящий считает, что знание того, каким А1 является в действительности, важно и ценно для людей; говорящий считает, что какие-то люди не хотят этого знать или не хотят, чтобы другие это знали’.

Именно указание на нежелательность в первом значении вокабулы *правда* позволяет объяснить развитие у этого слова уступительного значения вида *Он умный, правда, ленивый*, в котором *правда* вводит указание на нежелательные ситуации.

Вообще, развитие уступительных значений свойственно многим словам с основным значением соответствия действительности, в частности словам-репликам типа *конечно*, англ. *sure* ‘конечно’, а также словам со значением согласия типа *так, да, ладно, пусть*. Возможно, в семантике согласия заложены предпосылки для развития значения несогласия.

В подразделе I.6.2. анализируется семантическая мотивация уступительного значения у частицы *только*, кванторное значение которой анализируется в работах И. М. Богуславского. У *только* переносное уступительное значение «наследует» от основных значений два элемента — элемент ‘исключения’ (‘среди элементов множества Р ни один, отличный от Q, не обладает свойством R’) и элемент количественной оценки ‘говорящий считает, что это мало’. Количественная оценка ‘мало’ трансформируется в значении союза (*вот*) *только* в качественную оценку ‘плохо’, поэтому *только* вводит нежелательную ситуацию.

Седьмая глава иллюстрирует теоретические принципы анализа уступительных языковых единиц практическими лексикографическими описаниями вокабул *хотя, хоть, хотя бы, хоть бы, только бы, лишь бы, пусть, пускай, все-таки, все же, все равно, правда* в жанре составляемого в Секторе теоретической семантики ИРЯ РАН Активного словаря русского языка.

Во **Втором разделе** проводится сравнительный семантический, прагматический и отчасти синтаксический анализ класса эмотивных единиц в русском и английском языках.

В первой главе излагается и мотивируется кластерный подход к созданию семантической типологии эмоций, основанный на сопоставлении целых типов эмоций, представленных многими языковыми единицами, в противовес сравнению по отдельным словам. При рассмотрении отдельных слов, а не целых семантических классов, результаты сравнения могут не отражать полную языковую картину мира и, соответственно, не давать представления о системном устройстве языковой концептуализации эмоций. Как и уступительные единицы, эмотивные языковые средства представляют собой семантический класс, объединяемый семантическим инвариантом:

(59) 'Человек X чувствует Z по причине Y'.

Каждый тип эмоции представлен целым кластером частеречно разнородных языковых средств, выражающих разные подтипы одной разновидности чувства Z. Все подтипы эмоции в эмоциональном кластере объединяются прототипическим сценарием, который является семантическим инвариантом для всех языковых единиц, образующих кластер. Например, семантический инвариант кластера 'ГРУСТЬ' в русском языке выглядит следующим образом:

(60) 'произошел плохой Y; X не может ничего сделать; X чувствует что-то плохое'

Это инвариант объединяет такие подтипы 'ГРУСТИ' как *грусть, печаль, горе, расстраиваться, огорчаться* и т.п., которые отличаются друг от друга (как и в случае уступительных единиц) разными системообразующими смыслами.

Устройство более конкретного семантического класса эмоций имеет как общие черты с более абстрактным классом уступительных единиц, так и свои особенности.

Первая особенность касается семантического инварианта: если в классе уступительных единиц значение инварианта являлось одновременно значением конкретной языковой единицы — союза *хотя I*, то инвариант всех эмотивных единиц, сформулированный в (24), является общей частью их значений, но не реализован в значении одной конкретной языковой единицы.

Вторая особенность касается «наращений» на инвариант: в классе уступительных единиц семантическая модификация прототипа идет только по самым абстрактным системообразующим смыслам (степень, вероятность,

желательность). В классе эмотивных единиц имеются также более конкретные модификации инварианта, связанные с более узкими системообразующими смыслами, выражающими речевые, физиологические и поведенческие проявления эмоции.

Во второй главе проводится семантическое сравнение основных эмоциональных кластеров ('СТРАХ', 'ГНЕВ', 'ГРУСТЬ', 'РАДОСТЬ', 'ОТВРАЩЕНИЕ', 'СТЫД', ЖАЛОСТЬ' и 'ОБИДА') в русском и английском языках, рассматриваются общие тенденции и различия в концептуализации эмоций в этих двух языках. Для каждого кластера формулируется семантический инвариант и толкования каждого из разных подтипов эмоции внутри кластера.

Семантический инвариант кластера 'СТРАХ' в русском и английском языках таков:

(61) 'X думает, что от Y-а может произойти что-то плохое; X хочет избежать Y-а; X чувствует что-то плохое'¹⁵.

Выделяемые подтипы 'СТРАХА': «нейтральный страх» (*бояться, страх, to be afraid, fear, to fear*), «непосредственный страх» (*пугаться, to get scared, to get frightened*), «мистический страх» (*ужас, terror*), «благоговейный страх» (*тронуть, awe*), «рациональный страх» (*опасаться, to be apprehensive*), «неконтролируемый страх» (*паника, panic*), «страх перед неизбежным» (*страшиться, to dread*), «болезненный страх» (*боязнь, фобия, phobia*), «неэтичный страх» (*трусить, to get cold feet*), «страх, смешанный с отвращением» (в русском языке не представлен; англ. *horror*).

Пример толкования. Подтип «неэтичный страх»:

(62) 'X думает, что от контакта с Y-ом может произойти что-то плохое; X хочет избежать Y-а; X чувствует что-то плохое; X старается избежать Y-а; говорящий считает, что это плохо'.

Семантический инвариант кластера 'ГНЕВ':

(63) 'Y сделал что-то плохое; X чувствует что-то плохое по отношению к Y-у; X хочет сделать что-нибудь в связи с этим'.

Подтипы 'ГНЕВА': «оправданный гнев» (*негодование, возмущение, indignation*), «сильный неконтролируемый гнев с агрессивными проявлениями» (*ярость, бешенство, fury, rage*), «гнев от не очень серьезного, но неприятного и повторяющегося стимула» (*раздражение, irritation, annoyance*), «неэтичный гнев» (*rancor, spite, venom, злоба, злость*) «нейтральный гнев» (*сердиться, angry*), «гнев от невозможности достичь цели» (в русском языке не представлен; англ. *frustration*).

Семантический инвариант кластера 'ГРУСТЬ':

¹⁵ Метаязык, на котором сформулированы общие компоненты кластеров и подтипов, во многом опирается на семантические примитивы А. Вежицкой в применении к эмоциональным концептам, однако содержит также некоторые не-примитивные системообразующие смыслы ('избежать', 'контролировать').

(64) 'произошел плохой Y; X не может ничего сделать; X чувствует что-то плохое'.

Подтипы 'ГРУСТИ': «нейтральная грусть» (*грусть, sad*); «грусть от серьезного события» (*печаль, sorrow*), «грусть от утраты» (*горе, grief*), «грусть-разочарование» (*огорчиться, расстроиться, to get upset*), «грусть-безнадежность» (*уныние, despondent, dejected, wretched*), «беспричинная грусть» (*тоска, blues*), болезненная грусть» (*тоска, depression*).

Семантический инвариант кластера 'РАДОСТЬ':

(65) 'произошло что-то хорошее; X чувствует что-то хорошее'.

Подтипы 'РАДОСТИ': «нейтральная радость» (*радость, joy, happy*), «умеренная радость» (*рад, glad*), «радость от достижения цели» (*удовлетворение, доволен, satisfaction, content, pleased*), «сильная шумная радость от достижения цели» (*ликовать, glee*), «высшая радость» (*счастье, happiness*), «наивысшая радость» (*блаженство, bliss*), «неэтичная радость» (*злорадство, gloating*), «радость со смехом» (*веселье, merriment*), «радость-интерес» (отсутствует в русском; англ. *fun*), «радость-волнение» (отсутствует в русском; англ. *excited*).

Семантический инвариант кластера 'ОТВРАЩЕНИЕ':

(66) 'X думает, что Y неприятный на вкус или на ощупь, или обладает неприятным запахом, или грязный, или плохой; X не хочет быть в контакте с Y-ом; когда X в контакте с Y-ом, X чувствует что-то плохое; X может чувствовать тошноту, когда он в контакте с Y-ом'.

Подтипы 'ОТВРАЩЕНИЯ': «нейтральное отвращение» (*отвращение, disgust*), «сильное отвращение» (*distaste, repugnance, repellece*), «неоправданное отвращение» (*брезгливость, squeamishness*), «отвращение-страх» (*гадливость, creepu*), «болезненное отвращение» (отсутствует в русском; англ. *aversion*), «отвращение-ненависть» (отсутствует в русском; *to abhor, to loathe, to detest*).

Семантический инвариант кластера 'ЖАЛОСТЬ':

(67) 'X думает, что Y находится в плохой ситуации Z; X чувствует что-то плохое от этого'.

Подтипы 'ЖАЛОСТИ': «нейтральная жалость» (*жаль, жалко, жалость, sorry, pity, to pity*), «жалость-хорошее отношение» (*жалеть, to have pity*), «жалость-разделенное чувство» (*сочувствие, sympathy*), «жалость-разделенное страдание» (*сострадание, compassion*), «жалость-ритуал» (*соболезнования, condolences*), «жалость-действие» (*участие*; отсутствует в английском).

Семантический инвариант кластера 'СТЫД':

(68) 'X сделал плохой Y; X чувствует что-то плохое'.

Подтипы 'СТЫДА': «этический стыд» (*стыд, стыдиться, shame, ashamed*), «стыд-стигма» (*позор, shame, disgrace*), «социальный стыд» (*стесняться, смущаться, embarrassed*), «униженный стыд» (отсутствует в русском; англ. *mortified*), «внутренний стыд» (*совестно*; отсутствует в английском), «стыд-

дискомфорт» (*неудобно, неловко*; отсутствует в английском).

Проведенное покластерное сравнение эмоций в русском и английском языках обнаружило большой уровень пересечений в концептуализации эмоций и совпадение многих подтипов внутри одного и того же кластера в разных языках при отсутствии полного совпадения лингвистических свойств отдельных языковых единиц.

Третья глава посвящена сравнительному корпусному исследованию прагматики эмоций в русском и английском языках на основе сравнения частотностей употребления лексем со значением эмоций в определенных диагностических конструкциях. Рассматривается языковой этикет, т.е. отношение говорящих к вербализации тех или иных эмоций, отраженное в языковом узусе. Исследуются двенадцать эмоциональных кластеров в русском и английском языках: 'СТРАХ', 'ГНЕВ', 'РАДОСТЬ', 'ГРУСТЬ', 'СТЫД', 'ОТВРАЩЕНИЕ', 'ЖАЛОСТЬ', 'ГОРДОСТЬ', 'ЗАВИСТЬ', 'БЛАГОДАРНОСТЬ', 'ПРЕЗРЕНИЕ', 'РЕВНОСТЬ'.

В подразделе П.3.1.1. формулируются основные трудности межъязыкового прагматического сравнения эмоций: (1) отсутствие точных переводных эквивалентов; (2) полисемия эмотивных единиц; (3) отсутствие четкой корреляции между общей частотностью эмотивной единицы в языке и ее прагматической оценкой и местом в языковой картине мира.

Первая трудность решается посредством кластерного сравнения. Вторая и третья трудности решаются посредством частотного анализа эмотивных лексем в особых диагностических конструкциях (П.3.1.3.). Прагматическая приемлемость прямого выражения эмоции отражается в использовании говорящим языковых единиц, обозначающих эту эмоцию в применении к себе, т.е. в конструкциях первого лица. Поэтому частотный анализ для определения индекса приемлемости эмоции проводится только в применении к ее употреблению в особых тестовых конструкциях первого лица, а именно, (1) *Я хочу выразить свой Z (Я хочу выразить свою благодарность)*, (2) *Я Z-ую, Мне Z-но (Я радуюсь, Мне грустно)*, (3) *Это меня Z-ует, Это вызывает у меня Z (Это меня злит)* и их английских аналогах (1) *I would like to express my Z*, (2) *I am Z-ing, I am/feel/get Z*; (3) *It Z-s me, It makes me Z*.

Индекс прагматической приемлемости эмоции измеряется двумя способами – абсолютным и относительным. Абсолютный индекс прагматической приемлемости того или иного эмоционального кластера отражает абсолютную частотность употребления всех языковых средств, входящих в данный кластер, в диагностических конструкциях первого лица, относительно всего массива употреблений.

Однако абсолютный индекс прагматической приемлемости не является полностью независимым параметром, т.к. косвенно отражает не только частотность

в диагностических конструкциях, но и общую частотность соответствующих языковых единиц в языке. Поэтому вводится также относительный индекс прагматической приемлемости эмоций, который выражается в процентах и отражает относительную частотность употреблений в диагностических конструкциях первого лица относительно всех прочих употреблений лексемы.

На основе величин индексов прагматической приемлемости все эмоциональные кластеры упорядочиваются иерархически. По показателю абсолютной частотности употреблений в диагностических конструкциях первого лица эмоции выстраиваются в следующую иерархию:

Кластер	Английский язык (ipm)	Кластер	Русский язык (ipm)
‘Благодарность’	322.437	‘Благодарность’	126.555
‘Радость’	24.411	‘Радость’	33.125
‘Страх’	11.292	‘Страх’	29.08
‘Стыд’	6.196	‘Стыд’	20.445
‘Гнев’	6.059	‘Гнев’	8.49
‘Гордость’	4.981	‘Гордость’	4.956
‘Грусть’	3.841	‘Жалость’	4.905
‘Жалость’	3.826	‘Грусть’	4.08
‘Отвращение’	1.998	‘Зависть’	3.83
‘Зависть’	1.246	‘Презрение’	2.33
‘Презрение’	0.406	‘Отвращение’	1.975
‘Ревность’	0.053	‘Ревность’	0.775

Эти данные показывают, что, несмотря на существенные частотные различия в общей фиксации эмоций в русском и английском языках, частотности употребления в диагностических конструкциях первого лица, отражающие прагматическую приемлемость эмоций, дают очень похожие результаты. Хотя абсолютные величины частотностей в русском и английском различаются, их иерархизация практически идентична, что указывает на сходство русского и английского эмоциональных языковых этикетов.

В обоих языках наиболее приемлемыми эмоциями являются ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’ и ‘РАДОСТЬ’, что объясняется действием максимы «доставления удовольствия». Низкая позиция позитивной эмоции ‘ГОРДОСТЬ’ и высокая позиция негативной эмоции ‘СТЫД’ отражает наличие другой максимы – «максимы скромности» (Дж. Лич 1983).

Высокая позиция ‘СТРАХА’ в обеих иерархиях говорит о статусе этой эмоции как наиболее важной из базовых биологических эмоций. Область различия демонстрирует эмоция ‘ГНЕВ’: в английском она приемлема почти в той же мере, что и ‘СТЫД’, но в русском языке ее позиция существенно ниже.

В обоих языках нижнюю часть иерархии занимают 'ГРУСТЬ', 'ЖАЛОСТЬ', 'ОТВРАЩЕНИЕ', 'ЗАВИСТЬ', 'ПРЕЗРЕНИЕ', 'РЕВНОСТЬ', что демонстрирует наличие еще двух этикетных максимумов в русском и английском языках: максимумы «неунижения» (ограничивает выражение 'ЖАЛОСТИ', 'ОТВРАЩЕНИЯ' и 'ПРЕЗРЕНИЯ') и максимумы «самоуважения» (ограничивает выражение 'ЗАВИСТИ', 'ПРЕЗРЕНИЯ' и 'РЕВНОСТИ').

По показателю относительной частотности употреблений в диагностических конструкциях первого лица эмоции выстраиваются в следующую иерархию:

Кластер	Английский язык (ipm)	Кластер	Русский язык (ipm)
'Благодарность'	73.6%	'Благодарность'	66%
'Жалость'	9.6%	'Стыд'	8.6%
'Зависть'	7.6%	'Зависть'	7.7%
'Радость'	7.2%	'Жалость'	5.6%
'Гордость'	6.2%	'Гордость'	4.8%
'Стыд'	5.1%	'Страх'	4.4%
'Отвращение'	5.1%	'Отвращение'	4.3%
'Гнев'	3.5%	'Презрение'	4.1%
'Страх'	2.7%	'Радость'	3.8%
'Грусть'	2.7%	'Гнев'	2.2%
'Презрение'	2%	'Ревность'	2.2%
'Ревность'	0.67%	'Грусть'	1%

Максима «доставления удовольствия» имеет наибольший вес в этикетах обоих языков, что подтверждается исключительным положением в иерархии кластера 'БЛАГОДАРНОСТЬ', а также высоким положением кластера 'ЗАВИСТЬ' (человеку приятно слышать, что он является объектом зависти). Максима «самоуважения» в обоих языках менее важна, чем максима «доставления удовольствия», однако она более важна в английском, что подтверждается относительным положением кластеров 'СТЫД' и 'ГОРДОСТЬ', а также 'ГНЕВ', 'СТРАХ' и 'РЕВНОСТЬ' (сообщая о страхе и ревности, говорящий-экспериментер признает слабость, сообщая о гневе – утверждает силу). Максима «неунижения» также важнее для английского, что подтверждается большей относительной приемлемостью 'ПРЕЗРЕНИЯ' в русском языке. Таким образом, эмоциональные

этикеты русского и английского языков построены на одинаковых максимах, однако эти максимы имеют различный вес.

В четвертой главе описываются и семантически мотивируются типичные для каждого кластера глагольные модели управления.

Дативная модель управления характерна для глаголов *радоваться*, *удивляться*, *огорчаться*, *сочувствовать*, *сострадать* и для прилагательного *благодарный*, что объясняется наличием в их значениях адресатной семантики. Эмоции-отношения *сочувствовать*, *сострадать* и *благодарный* часто предполагают речевое выражение чувства, обращенное к объекту эмоции, т.е. указывают на адресата. Глаголы *радоваться*, *удивляться*, *огорчаться* с дативной МУ, как правило, описывают реакции на только что произошедшие или актуально происходящие события, часто непосредственно воспринимаемые экспериенцером: *Она очень ему обрадовалась*, *Она удивилась его приходу*, *Она огорчилась своей неудаче*, но не **Она радовалась своему благородному происхождению*, **Она удивилась поражению Наполеона под Ватерлоо*, **Она огорчилась глобальному потеплению*. При этом экспериенцер часто открыто и направленно реагирует на стимул, что также указывает на семантику адресата.

Для глагола *злорадствовать* возможна МУ с предлогом *над*, характерная для роли Пациенса у глаголов насмешки: *громко злорадствовать над чужим несчастьем* vs. *смеяться* <*насмехаться*, *издеваться*, *измываться*, *потешаться*> *над кем-л.*

Глагол *блаженствовать*, типичный Стимул для которого — какое-либо комфортное состояние или приятное действие, обычно управляет локативной предложно-именной группой или конструкцией с деепричастием: *блаженствовать в ванне* <*на солнце*>; *блаженствовать, попивая кофе с пирожными*.

Для глаголов *грустить*, *печалиться*, *тосковать*, *горевать* и *скорбеть* частотно выражение валентности Стимула с предлогами *о* и *по*. Это объясняется тем, что эти глаголы обозначают длительные эмоции, которые могут возникать каждый раз при **мысли** о Стимуле. Поэтому для них характерно управление с предлогом *о*, используемое для выражения валентности содержания у ментальных глаголов. Кроме того, выражение с предлогом *о* и особенно предлогом *по* в сочетании с существительным со значением лица типично в русском языке для выражения семантики **желаемого и недостижимого объекта эмоционального обладания**; ср. *сохнуть по кому-л.* <*о ком-л.*>, *страдать по кому-л.* <*о ком-л.*>, *скучать по кому-л.* <*о ком-л.*>, *истосковаться по кому-л.*, *изголодаться по чему-л.* В той мере, в которой Стимулом эмоции является невозможность соединения с любимым человеком, перечисленные глаголы допускают или предпочитают эти модели управления. Для *горевать* и *скорбеть*, Стимулом которых обычно является чья-то смерть, данные МУ являются предпочтительными. Для краткосрочных видов 'ГРУСТИ', не предполагающих невозможности соединения с любимым

человеком, такая МУ невозможна: *огорчаться <расстраиваться> по уехавшей подруге (при возможности *огорчаться/расстраиваться, что подруга уехала*).

Для глаголов 'ГНЕВА' и 'ОБИДЫ' характерна МУ с предлогом *на*: *сердиться* <злиться, гневаться, обижаться> *на кого-л.* Предложная модель с *на* в русском языке характерна для роли пациенса агрессивных физических действий, связанных с резким перемещением (*наброситься на кого-л., накинуться на кого-л.*). Поскольку эмоции кластеров 'ГНЕВ' и 'ОБИДА' часто предполагают желание сделать что-то агрессивное в ответ на проступок Объекта эмоции, желание отомстить ему или наказать его, выбор МУ с предлогом *на* семантически мотивирован. Для неагрессивных видов 'ГНЕВА' такая МУ нехарактерна: управление *раздражаться на* возможно, но не частотно, глагол «праведного гнева» *возмущаться* ее не допускает.

Для глаголов хорошего отношения к себе ('ГОРДОСТЬ') характерна МУ с творительным: *гордиться своими успехами*. Конструкция с творительным падежом вида *X Y-ует Z-ом* выражает идею привлечения чьего-то внимания; ср. *помахивать хвостом, кивать головой, поманить рукой, бряцать медалями* и пр. Эмоции 'ГОРДОСТИ' предполагают желание внимания со стороны окружающих: экспериенцер *гордиться* как бы выставляет напоказ свое положительное свойство или поступок: *гордиться перед кем-л.* Такая же МУ характерна для глаголов речевого проявления 'ГОРДОСТИ' *хвалиться чем-л. перед кем-л.* и *хвастаться чем-л. перед кем-л.*

Третий раздел, состоящий из трех глав, посвящен анализу взаимодействия системообразующих смыслов, а также соотношения семантики и прагматики, в значении отдельной языковой единицы.

В первой главе на примере пространственно-временного дейктического маркера *тут* исследуется феномен семантического синкретизма, когда в значении одной лексемы объединены системообразующие смыслы, относящиеся к разным семантическим полям – в данном случае, 'время' и 'место'.

В разделе III.1.1. рассматривается полисемия синонимов *тут* и *здесь*. У обоих наречий выделяется три блока значений: пространственный (*Я работаю тут <здесь>*), «ситуативный» (*Не знаю, что тут <здесь> делать*) и временной (*И тут <здесь> из зала раздался голос*). Корпусный анализ сочетаемости показывает, что при практически одинаковой встречаемости этих двух наречий (838 и 828 ipm по НКРЯ), разные блоки значений имеют для них разный вес. Анализ 20 наиболее частотных прилагательных коллокаций *здесь* и *там* по данным корпуса ruTenTen на лексикографическом ресурсе Sketch Engine (<http://sketchengine.co.uk/>) дает следующие сведения о структуре их полисемии, сочетаемости в разных значениях и процентной представленности каждого из значений:

Наречие	Значение	Сочетаемость	Процентная частотность
<i>здесь</i>	пространственное	Предикаты местонахождения (<i>находиться, располагаться</i>), экзистенциальные предикаты (<i>жить, быть</i>), занятия (<i>работать</i>)	88
	ситуативное	Модальные предикаты (<i>нужно, можно</i>)	12
	временные	Не входят в 20 частотных коллокаций	0
<i>тут</i>	ситуативное	Модальные предикаты (<i>нужно, можно</i>), фраземы <i>тут скорее, Что тут поделать, Что тут сказать</i>	40
	временные	Инхоативные предикаты в таксисном значении, ментальные предикаты в значении близости к моменту речи	32
	пространственное	Действия, деятельности, временное местонахождение	28

Анализ сочетаемости обоих наречий в пространственном значении позволяет сделать выводы об их семантических различиях: *здесь* имеет нарративные употребления и позволяет ориентировать объект, о котором идет речь, не только относительно говорящего, но и относительно других упоминаемых объектов, причем статичных: ср. *Недалеко от него, в предгорьях Кавказа, — Утришский заказник. Его леса полны редчайшими растениями и отличаются удивительным микроклиматом. Здесь же* [в Утришском заказнике] *располагается Анапский дельфинарий под открытым небом* («Туризм и образование», 2001.03.15). Наречие *здесь* может описывать **реальное** местонахождение объектов, что объясняет его преимущественную сочетаемость со статичными предикатами постоянного месторасположения.

Наречие *тут* в большей степени дейктично, оно ориентирует объект только относительно **местонахождения говорящего**, что объясняет большую динамичность предикатов, с которыми оно сочетается, т.к. говорящий, в отличие от статичных пространственных ориентиров, перемещается, и в разное время находится в разных местах.

Пространственные значения *тут* и *здесь* можно сформулировать следующим образом:

(69) *тут* = ‘в месте, где в момент речи находится говорящий’.

(70) *здесь* = ‘в месте, где в момент речи находится говорящий, или в месте, о котором шла речь’.

Таким образом, в семантике *тут* даже в пространственном значении временной смысл ‘в момент речи’ обязателен, в отличие от значения *здесь*, что дает основания говорить о подлинном синкретизме смыслов ‘время’ и ‘пространство’ в значении *тут*. Это объясняет высокий удельный вес ситуативных значений у *тут* (ситуация предполагает время), а также активное развитие временных значений, нехарактерных для *здесь*. Рефлексы синкретизма смыслов ‘время’ и ‘пространство’ сохраняются во всех значениях наречия *тут*.

В подразделе III.1.1.4. рассматриваются временные значения *тут* – таксисное (*Он начал делать доклад, и тут сломался проектор*) и значение близости к моменту речи (*Я тут сижу работаю*).

В таксисном значении наречие *тут*₁ указывает на **событие** A2, которая возникает **после** наступления какого-то другого события A1: *Мы легли спать [A1], и тут раздался звонок в дверь [A2]*.

*Тут*₁ указывает на **немедленное** следование событий друг за другом:

(71) *Они наняли хорошего адвоката, и вскоре <сразу же> — не больше, чем через неделю — все проблемы были улажены.*

(72) [?]*Они наняли хорошего адвоката и тут — не больше, чем через неделю — все проблемы были улажены.*

*Тут*₁ указывает не только на единство времени, но и на единство места. Пространства могут быть физически разными, однако должны быть объединены в сознании говорящего в некое единое ментальное пространство:

(73) ^{??}*Ураган прошел через штат Иллинойс, и тут он произвел разрушения в Новой Англии.*

(74) *В 1830 Алжир был захвачен французами, и тут во Франции разразилась революция.*

*Тут*₁ предполагает неожиданность второго события:

(75) ^{??}*Он включил компьютер, и тут на экране появилось изображение.*

При этом событие должно быть неожиданным для субъекта ситуации A1 и для адресата; *тут*₁ является коммуникативным маркером **поворота событий**. Толкование:

(76) *A1, и тут A2* ‘Событие A2, неожиданное для субъекта события или ситуации A1 и для адресата, произошло в момент, следующий за моментом, в который произошло событие A1, или в момент, входящий в тот же промежуток времени, в который начала иметь место ситуация A1, в том же пространстве, где произошло событие A1 или начала иметь место ситуация A1, так что A1 и A2 входят в один раунд наблюдения’.

В значении близости к моменту речи *тут*₂ обладает рядом семантических и

грамматических особенностей. $Тут_2$ — клитика, которая не может нести на себе акцентного выделения (неправильно * $Я \downarrow тут$ была в Лондоне). Эта особенность $тут_2$ связана с особым статусом этой единицы: она находится на пути к грамматикализации в качестве особого показателя актуальности ситуации и ее близости к моменту речи.

В отличие от наречия *сейчас*, $тут_2$ требует, чтобы пространство, в котором происходит событие, мыслилось говорящим как включающее его самого:

(77) *На Северном полюсе сейчас минус двадцать шесть.*

(78) **На Северном полюсе тут минус двадцать шесть.*

$Тут_2$ допускает бóльшую удаленность момента события от момента речи, нежели *сейчас*:

(79) **Я сейчас пять минут назад его видела.*

(80) **Я сейчас через пять минут буду с ним говорить.*

(81) *Я тут месяц назад была в Лондоне.*

(82) *Я тут скоро выплачу долг за квартиру.*

При этом невозможны фразы типа **Я тут тридцать лет назад была в Лондоне*, **Я тут через тридцать лет выплачу долг за квартиру*. Таким образом $тут_2$ относится либо к моменту речи, либо к такому моменту до или после момента речи, когда то, что произошло или произойдет, **актуально** для настоящего.

Для $тут_2$ предлагается толкование:

(83) *Тут A1, A2* 'Имеет место ситуация A1, участником или наблюдателем которой является говорящий, которая может привести или приводит к наступлению ситуации A2, и которая разворачивается в том же реальном или мысленном пространстве, где находится говорящий, в промежуток времени, который включает в себя настоящий момент и такие моменты до и после настоящего момента, когда ситуация A1 сохраняет связь с настоящим моментом и может повлиять на наступление ситуации A2'.

Вторая глава третьего раздела посвящена семантическому и прагматическому корпусному анализу темпоральной синтаксической фраземы *X в X* (*день в день, час в час*). Она имеет следующее значение:

(84) *X в X* = '(а) время события Y совпадает со временем события Z с точностью до временного интервала X; (б) говорящий считает, что это необычно'.

В зависимости от контекста эта фразема может иметь две основных интерпретации:

(85) Интерпретация «неожиданной пунктуальности», где говорящий оценивает тот факт, что нечто происходит в точности с соответствии с запланированным графиком, как необычный: *Собрание началось ровно в шесть, минута в минуту.*

(86) Интерпретация «судьбоносного совпадения», где говорящий

оценивает тот факт, что два события незапланированно совпали во времени частично или полностью, как необычный: *Он родился день в день с Моцартом.*

Выбор предпочтительной интерпретации определяется прагматическими факторами, в первую очередь длиной периода времени: для коротких временных периодов вероятнее интерпретация «неожиданной пунктуальности», по мере их удлинения растет вероятность интерпретации «судьбоносного совпадения». В русском языке, по данным НКРЯ, для слова *секунда* интерпретация «неожиданной пунктуальности» составляет 81 процент, для слова *минута* – 92 процента, для слова *час* – 61 процент, для слова *день* – 64 процента.

Однако на выбор интерпретации оказывает влияние не только лексическое наполнение фраземы, но и языковая прагматика. Русская языковая картина мира способствует выбору интерпретации «неожиданной пунктуальности». У английской фраземы *to the X* с похожим значением преобладает интерпретация «судьбоносного совпадения».

В третьей главе исследуется влияние системообразующего смысла ‘контроль’ в значениях каузативных и интерпретативных глаголов на их семантическую структуру и обусловленное ею взаимодействие с отрицанием. Анализируются три типа предикатов – агентивные физические каузативы (типа *налить, вбить, втащить*), агентивные эмоциональные каузативы (типа *злить, расстраивать, обижать, радовать*), интерпретативы (типа *грешить, баловать, ошибиться, просчитаться*). Их значения состоят из двух компонентов: ‘действие’ и ‘результат’ (физическое состояние для физических каузативов, эмоциональная реакция для эмоциональных каузативов, интерпретация для интерпретативов). В сферу действия отрицания может входить либо ‘результат’, либо и ‘действие’, и ‘результат’. В исследовании выдвигается гипотеза о зависимости статуса компонента ‘действие’ в семантической структуре предиката от наличия в его значении системообразующего смысла ‘контроль’.

Показывается, что для агентивных физических каузативов в целом характерно отрицание обоих компонентов значения, т.е. отрицается сама попытка совершения действия:

(87) *Он не вылил воду из чайника* = ‘Он не совершал попытку вылить воду из чайника’.

Однако для некоторых агентивных физических каузативов возможно отрицание исключительно компонента ‘результат’:

(88) *Он не втащил мешок в сарай* = ‘Он пытался втащить мешок в сарай; Он не смог втащить мешок в сарай’.

Для эмоциональных каузативов и интерпретативов в целом характерно отрицание только компонента ‘результат’ (или ‘интерпретация’, для интерпретативов):

(89) *Он не обидел ее своей искренностью* = ‘Он проявил искренность; Она не обиделась’.

(90) *Он не ошибся, выбрав ее в помощницы* = ‘Он выбрал ее в помощницы; Это не ошибка’.

Однако с некоторыми эмоциональными каузативами и интерпретативами возможно также отрицание ‘действия’:

(91) *Он больше не веселит нас своими шутками* = ‘Он больше не шутит’.

(92) *Она не балует ребенка, покупая ему дорогие игрушки* = ‘Она не покупает ему дорогие игрушки’.

Основным фактором, влияющим на семантическую структуру предиката и его взаимодействие с отрицанием, является наличие в его значении системообразующего смысла ‘контроль’. Степень контроля, предполагаемого предикатом, определяется возможностью его употребления в конструкции с императивом и прохибитивом; эта возможность верифицируется корпусным исследованием. Ср. *Не выливай воду; Не огорчай маму; Не балуй ребенка* (наличие контроля) vs. *Не втискивайся в вагон; *Умиляй родителей; ?Не просчитывайся* (невысокая степень или отсутствие контроля).

Чем выше степень контроля агенса над результатом, тем теснее каузальная связь между действием и результатом и тем более соединены в семантической структуре предиката компоненты ‘действие’ и ‘результат’. Тесно связанные компоненты ‘действие’ и ‘результат’ принадлежат к одному уровню семантической структуры (ассерция) и действие отрицания распространяется на оба компонента. Такая ситуация характерна для физических каузативов, которые прототипически обозначают целенаправленные действия (*налить, выстрелить, выкопать*).

Чем меньше степень контроля агенса над результатом и чем слабее и опосредованнее связь между действием и результатом, тем менее связаны в семантической структуре предиката компоненты ‘действие’ и ‘результат’. Эти компоненты принадлежат к разным уровням семантической структуры (пресуппозиция и ассерция), и действие отрицания распространяется только на ‘результат’. Такая ситуация характерна для эмоциональных каузативов (*волновать, умилять*) и интерпретативов (*ошибиться, просчитаться*), которые прототипически не обозначают целенаправленные действия.

В число промежуточных случаев, где пресуппозитивно-ассертивная структура не фиксирована и возможны разные интерпретации с отрицанием, входят физические каузативы, указывающие на большое усилие (типа *втиснуться, впахнуть, втащить*), конативные эмоциональные каузативы (типа *пугать, злить*) и этические, религиозные и юридические интерпретативы (типа *баловать, грешить, нарушать закон*). Это объясняется их промежуточным положением на шкале контроля.

В Заключении формулируются основные выводы работы о роли системообразующих смыслов в языке, об устройстве семантических классов, о семантической мотивации и о роли семантики и языковой прагматики в сочетаемости лексем и конструкций. Такие общие системообразующие смыслы, как ‘количество’, ‘степень’, ‘желательность’, ‘оценка’, ‘фактивность’, ‘путативность’, ‘акциональность’, определяют пути развития значений на материале больших семантических классов (например, полей уступительности и эмотивности), с одной стороны, и на материале полисемии отдельных вокабул, а также семантических структур отдельных лексем, с другой. В основе структуры абстрактных предикатных семантических классов лежит прототип, представленный в значении центральной для класса языковой единицы, и его модификации по направлениям, задаваемым системообразующими смыслами. Значения остальных единиц класса могут быть получены из прототипа путем семантических модификаций, в которые может входить конверсия, прибавление или убавление валентностей, семантическое наращение по системообразующим смыслам. Наличие определенного семантического компонента в значении языковой единицы может коррелировать с ее общей семантической структурой, с наличием других компонентов в ее значении, с ее лексической и синтаксической сочетаемостью, с моделью управления, с ее полисемией, с онтологическими свойствами ее денотата. Сочетаемость и выбор интерпретации лексем и конструкций определяется не только правилами семантического согласования, но и культурно-языковой прагматикой. Семантически близкие языковые единицы могут характеризоваться частотно различной сочетаемостью в силу своих различающихся прагматических свойств. Прагматические предпочтения, закрепленные за конструкцией в данном языке, влияют на интерпретацию нейтральных лексем, помещенных в конструкцию. При заполнении конструкций разными лексемами могут возникать семантические сдвиги, описываемые правилами семантических модификаций. Частотные варианты заполнения конструкций могут идиоматизироваться и «откалываться» от исходной конструкции. Чем более фразеологизована сама конструкция, тем больше вероятность, что часть ее реализаций составляют лексические фраземы. Также формулируются возможные направления дальнейших исследований – применение полученных методов семантического и прагматического анализа к другим языкам, исследование явления семантической мотивированности на другом языковом материале.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных журналах из перечня ВАК, а также входящих в систему индексирования SCOPUS

1. Метафора в семантическом представлении эмоций (в соавторстве с Ю. Д. Апресяном) // Вопросы языкознания. 1993. №. 3. с. 27–35. (0,5 п.л.).
2. Review of the Russian English Dictionary of Verbal Collocations. Benson, M., B. Evelyn. Slavic and East European Journal, Vol. 8, N. 3, Fall 1994. pp. 542-544. (0,1 п.л.).
3. *Для и ради*: сходства и различия // Вопросы языкознания. 1995. №. 3. с. 17-27. (0,5 п.л.).
4. Семантика и ее рефлексy у наречий усилия и малой степени // Вопросы языкознания. 1997. №. 5. с. 16-34. (1 п.л.).
5. 'Fear' and 'pity' from a Lexicographic Perspective // International Journal of Lexicography. 1997. vol. 10. №. 2. pp. 85-111. (1.3 п.л.).
6. Уступительность в языке и слова со значением уступки // Вопросы языкознания. 1999. №. 5. с. 24-44. (1 п.л.).
7. Уступительность как системообразующий смысл // Вопросы языкознания. 2006. № 2. с. 85-110. (1,2 п.л.).
8. От *хотя* до *хоть бы*: к системному описанию уступительных единиц в языке // Русский язык в научном освещении. 2006. №1 (11). с. 7-44. (1,3 п.л.).
9. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (вып. 20). с. 26-57. (1 п.л.).
10. Рецензия на книгу Т.В. Лариной «Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций» // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (вып. 20). с. 313-316. (0,2 п.л.).
11. Рецензия на книгу Анны Гладковой «Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки». Вопросы языкознания. 2011. №5. с. 110-112. (0,1 п.л.).
12. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты. Часть 1 // Вопросы языкознания. 2011. №1. с. 19-51. (1.5 п.л.).
13. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты. Часть 2 // Вопросы языкознания. 2011. №2. с. 63-88. (1,2 п.л.).
14. Apresyan V. Corpus Methods in Pragmatics: The Case of English and Russian Emotions // Intercultural Pragmatics. 2013. Vol. 10. №. 4. Pp. 533-568. (1.5 п.л.).
15. Апресян В. Ю. Контроль и отрицание: взаимодействие значений // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 3-26. (1.1 п.л.).
16. Apresyan V. Syntactic Idioms across Languages: Corpus Evidence from Russian and English // Russian linguistics. 2014. Vol. 38. No. 2. pp. 187-203. (1 п.л.).
17. Апресян В.Ю. Процессы идиоматизации и грамматикализации в нестандартных конструкциях // Материалы международной конференции «Диалог

2014». Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2014. С. 12-28.(0,5 п.л.).

18. *Тут, здесь и сейчас*. О временных значениях пространственных дейктических слов. // Русский язык в научном освещении. 2014. № 27. с. 9-41. (1,1 п.л.).

19. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2015. В печати. (2 п.л.).

Монографии, главы в монографиях

20. Уступительность в языке // Лингвистическая картина мира и системная лексикография. Под ред. Ю. Д. Апресяна. М. 2006. с. 615-712. (5 п.л.).

21. From Truth' to Concessives: Semantic Development // Formal approaches to Slavic languages. Frankfurt/Main: Peter Lang. 2010. pp. 173-190. (1 1 п.л.).

22. The Pragmatics of Destiny in Russian and English (towards a description of fundamental cultural concepts) // Contrasting Meaning in Languages of the East and West. Eds: D. Shu, K. Turner. Peter Lang. 2010. pp. 477-491. (0,7 п.л.).

23. Словарные статьи полей 'соответствие и несоответствие действительности', 'малое количество и степень', 'уступительность' и 'организации' // «Перспектив активниг словаря русскогo языка. Отв. ред. академик Ю.Д.Апресян. М.. «Языки славянских культур». 2010. с. 155-220. (3 п.л.).

24. The "Russian" attitude to time // Space and Time in Languages and Cultures. Filipović, Luna and Kasia M. Jaszczolt (eds.) John Benjamins. 2012, с 103-120. (0,7 п.л.).

25. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Под грифом ИРЯ РАН. В печати. ЯСК, 2015. (16 п.л.)

Статьи в словарях

26. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под руководством Ю. Д. Апресяна, изд. Второе, исправленное и дополненное. М. 2004. 20 словарных статей. (24 п.л.).

27. Активный словарь русского языка. Отв. ред. академик Ю. Д. Апресян. Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. М., 2014. 235 словарных статей. (30 п.л.).

Публикации в журналах, сборниках статей, материалах конференций и других изданиях

28. Эмоции: современные американские исследования // Семиотика и информатика, т. 34, 1995. с. 82-97. (0,7 п.л.).

29. Emotion Metaphors and Cross-Linguistic Conceptualization of Emotions // Cuadernos de Filología Inglesa. Vol. 6.2., 1997. pp. 179-195. (0, 4 п.л.).

30. Семантика уступки (на примере частиц *по крайней мере, хотя бы и хоть*) // Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям в двух томах под ред. А. С. Нариньяни. т. 1. Казань. 1998. с. 27-33. (0,3 п.л.).

31. Семантика и прагматика русских квантификаторов «исключения» // Труды международного семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Под ред. А. С. Нариньяни. Аксаково 2001. с. 11-16. (0,4 п.л.).

32. Уступительность: языковые связи // Сокровенные смыслы. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М. 2004. с. 255-266. (0,6 п.л.).

33. 'Компенсация' и 'оговорка' в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня 3. Проблемы русской лексикографии. Под ред. Л. П. Крысина. М. 2004. с. 15-22. (0,4 п.л.).

34. Предлоги-кванторы в русском языке // Логический анализ языка: Квантитативный аспект языка. Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М. 2005. с. 350-371. (1 п.л.).

35. Семантические типы эмоциональной метафоры. // сб. Эмоции в языке и речи (сборник научных статей). Из-во РГГУ, 2005. с. 9-30. (1 п.л.).

36. Трехвалентные уступительные слова. Труды международного семинара Диалог' 2005 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М. 2005. с. 34-38. (0,3 п.л.).

37. Русские и английские эмоциональные концепты // Труды международной конференции Диалог-2008. с. 17-22 (0,2 п.л.).

38. Семантические источники уступительности // Материалы международной конференции «Диалог 2009». Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 8 (15). с. 6-12. (0,3 п.л.).

39. Concession in Russian: Semantics as a reflection of Rhetoric // Proceedings of the 4th International Conference on Meaning-Text Theory. Montreal, June 24-26, 2009. Опубликовано на сайте <http://mtt.upf.edu/mtt2009/ProceedingsMTT09.pdf>. с 15-24. (0,5 п.л.).

40. The myth of the "Russian soul" through the mirror of language // Folklorica, volume XIV, 2009. pp.91 – 121. (1,5 п.л.).

41. Семантическая структура слова и его взаимодействие с отрицанием // Материалы международной конференции «Диалог 2010». Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 9 (16). С. 13-19. (0,4 п.л.).

42. День в день, час в час, минута в минуту: темпоральные синтаксические фраземы в русском языке // Слово и язык. Сборник статей к 80-летию академика Ю.Д. Апресяна. Языки славянских культур. М. 2011. с. 27-40. (0,7 п.л.).